

Авторы составители:

- Одинец Всеволод Андреевич - ветеран Великой Отечественной войны, статус «Дети войны»
- Хвостова Полина, 5 лет - воспитанница группы №11 «Весёлый паровозик» МДОУ «Детский сад №32 с.Стрелецкое»
- Хвостова Анна Олеговна - мама Хвостовой Полины
- Асовик Елена Вячеславовна - воспитатель группы №11 «Весёлый паровозик» МДОУ «Детский сад №32 с.Стрелецкое»

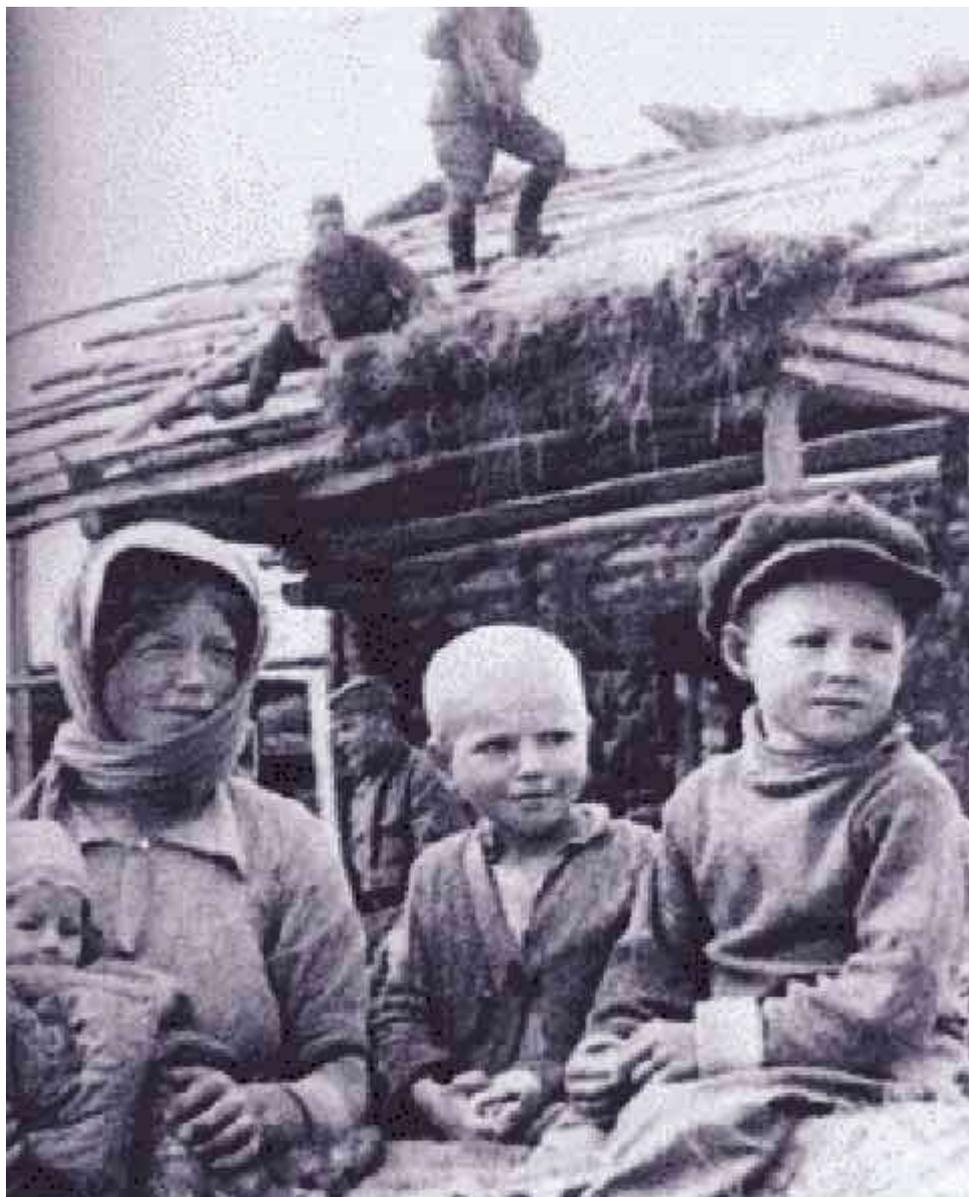
В книге представлены воспоминания Одинец Всеволода Андреевича, прадедушки Хвостовой Полины. Одинец В.А. имеет статус «Дети войны». Материал подготовлен в рамках поисковой акции Белгородского района «Дети войны»

Книга адресована педагогам дошкольных образовательных учреждений, родителям и детям.

«В тылу как в тылу
Ни кола, ни двора и ни хаты -
Вся деревня под снегом живёт.
Эти годы, что были когда-то.
Горечь детства забыть не даёт.
Мы великих дел не вершили
И по трижды чужой вине
Как солдаты в землянках жили
Умирили как на войне».

В. Фирсов «Военное детство»

Дорогие друзья!

С каждым годом всё дальше и дальше от нас героические и трагические годы Великой Отечественной войны. Эта война была самым страшным испытанием, которое с честью выдержала наша страна

Уже выросло не одно поколение людей, не испытавших на себе горячего дыхания великой битвы с немецко-фашистскими захватчиками. Но, чем дальше уходят от нас незабываемые годы, чем больше зарастают раны войны, тем все величественнее представляется титанический подвиг, совершенный советским народом.

И мы - поколение не знающее войны, участвуя в районной поисковой Акции «Дети войны», хотим рассказать о детях войны, поделиться их воспоминаниями об их военном детстве.

Удивительная штука – память детей. Они видят и помнят то, что не видят взрослые. И наоборот, дети забывают все то, что врезалось в память взрослых навсегда. И это, наверное, к счастью.

В этой книге воспоминания Одинец Всеволода Андреевича, у которого не было Детства, вместо него была Война. Испытания, которые выпали на его долю, под силу далеко не каждому взрослому.

Воспоминания для него очень тяжелое испытание. Но в просьбе его правнучки Полины -рассказать о его детстве -отказать не мог.

Мы думаем, что представленные воспоминания никого не оставят равнодушным, потому что это трагедия, история спасения на фоне страшного военного времени. Для нас это стало примером. Примером мужества, стойкости и силы духа!

Хвостова Полина
Хвостова А.О.
Асовик Е.В.

Одинец Всеволод Андреевич,
родился 22 ноября 1937 г. в селе Берково Октябрьского района (Белоруссия).

Что я могу вспомнить о своем детстве, опаленном войною...

Сначала немного о своих родных местах. Центром нашего Октябрьского района был поселок Октябрьский, образованный из трех населенных пунктов - Рудобелки, Рудни и Карпиловки. Поселок Рудобелка был известен еще с гражданской войны как столица так называемой «Рудобельской республики». Здесь, южнее Бобруйска, в глухих полесских лесах, пронизанных многочисленными полноводными реками, потерпели неудачу, а порой, и полный разгром, многие отряды иноземных захватчиков.

Село Рудобелка (Рудые Белки) известно с XVI столетия. Первое письменное упоминание о Рудобелке относится к 1507 году. В период Великого Княжества Литовского оно переходило от одного владельца к другому, но дольше всего хозяевами здесь были знаменитые Радзивиллы.

Рудобельская республика - название Рудобельской и соседних волостей Бобруйского уезда, где на протяжении всего периода оккупации Беларуси войсками Германии (1918) и Польши (1919-1920) сохранялась советская власть. Партизаны д. Рудобелка и окружающих деревень охраняли территорию волости от нападений немецких оккупантов и польских легионеров. Еще до отступления немцев партизанские отряды Соловья и др. партизанских командиров вошли в Бобруйск и воспрепятствовали оккупантам вывезти награбленное имущество. В январе 1920 г. польское командование направило против рудобельских партизан карательную экспедицию, которая сожгла несколько деревень, в том числе Рудобелку. В 1920 г. на торжественном собрании по поводу освобождения от польских оккупантов жители Рудобелки переименовали свою волость в Октябрьскую. Про Рудобельскую республику написаны книги, поставлен спектакль, снят кинофильм.

Так что для нас, полесских мальчишек, война не была чем-то далеким и непонятным. Практически все наши мужчины где-то и с кем-то воевали: в первую мировую, в гражданскую. К тому же наша родная Белоруссия всегда находилась на пути агрессоров, идущих с запада Европы на восток. Частенько мы играли в разные военные игры. Старшие мальчишки были командирами, а нас - малышню - порой даже не брали в отряд. Очень обидно было, когда «командир отряда» приказал моему более рослому товарищу Мишке отстегать меня плеткой, чтобы я «не путался под ногами». Хорошо, что вмешалась моя старшая сестра, она надавала подзатыльников и «командиру», и «экзекутору», и быстро организовала мое принятие в состав отряда. Часто мы играли в районе большого коровника. Там моя мама работала дояркой и угощала нас ароматным парным молоком. А всего в нашей семье было пятеро детей.

Мне было менее 4-х лет, когда началась война. Сам момент, когда сообщили о начале войны, я не могу припомнить. Самым первым событием, связанным с войной, стала в моей памяти отправка колхозного скота на восток. С этим стадом ушел пастухом мой старший брат Коля. Где-то за Паричами (в 70 км от нас в сторону Гомеля) наши пастухи сдали колхозное стадо в общий гурт. С братом увязалась наша собака Мирта, там она в суматохе потерялась и сама прибежала домой. Когда она выяснила, что хозяина (каковым она считала Колю) дома нет, снова побежала по следу в Паричи. И вот, наконец, и Коля, и его верная Мирта, благополучно вернулись домой.

Однажды появились самолеты. Мы во все глаза пытались определить: наши или не наши. Вдруг на наш пустующий скотный двор с визгом полетели бомбы. Постройки были рядом с деревней, поэтому бомбы попадали и на огороды. Бомбы рвались с ужасающим грохотом, начались пожары. Мы бросились через сады в сторону леса. Земля дрожала от взрывов. Сделав несколько заходов, самолеты удалились. Чьи они были, никто так и не понял.

В нашей деревне постоянного немецкого гарнизона не было. Она была в центре обширной партизанской зоны, охватывавшей белорусские районы Полесья. Самым знаменитым полесским партизаном стал Тихон Бумажков. Он же стал первым белорусским партизаном, которому присвоили звание Героя Советского Союза.

Мой отец не был мобилизован в армию, его оставили для организации сети тайников с продовольствием и другими припасами, без которых

невозможно было наладить массовое партизанское движение. В отряде известного партизанского командира В.Шантора отец командовал хозвзводом.

Сначала немцы не очень зверствовали, да и в наш «медвежий» угол им было трудно добраться. В нашем селе Берково партизаны чувствовали себя спокойно, здесь даже работала партизанская столовая. В эту столовую ходил и я, как член партизанской семьи. За голенищем сапога - совсем как взрослый партизан - я носил свою ложку. В сапожки меня обул местный сапожник Мейсик. Он еще обещал пошить мне теплый кожанок из овчины, но вскоре Мейсика ранили, и он не смог выполнить свое обещание. Большинство населения было в партизанах: кто участвовал в операциях против немцев, кто пек хлеб, кто-то был связным.

К зиме 1941-1942 года партизанское движение в нашем крае настолько разрослось, что немцы начали предпринимать первые карательные экспедиции. Однажды зимой на партизанскую базу за речкой Птичь внезапно напали каратели. Впрочем, часовые успели все-таки поднять тревогу, и все партизаны успели отступить вглубь леса. Мой брат Коля почти голый выскочил из землянки и бросился бежать, по снегу он добежал до небольшой лесной деревушки Малинов. Там его обогрели и одели. Немцы взорвали партизанские землянки, собрали незначительные трофеи - посуду, одежду и т.п. Погрузив на подводки, они показывали этот хлам в деревнях, как свидетельство их «победы» над партизанами. На одной из повозок наша мама узнала красную свитку Коли и долго плакала потом, считая Колю погибшим. Однако вскоре Николай появился у нас дома целый и невредимый, чему мы все, конечно, были очень рады.

Наступило время, когда оставаться дома стало опасно. Немцы проводили одну карательную экспедицию за другой, они до основания сожгли деревни Курин, Смута, Хлебова Поляна, Ковали, Ловстыки, Карпиловка, Рудня, Лески, Рудобелка, Смыковичи. В огне пожарищ погибло более четырех тысяч жителей - в основном стариков, женщин и детей. В деревне Ловстыки фашисты согнали все население деревни в сарай и подожгли его. В деревне Рудобелка каратели штыками и дубинками согнали женщин, детей, стариков в клуб спиртзавода, заколотили двери и подожгли здание. В Поречском сельсовете фашистские людоеды зверски расправились с семьями партизан Аникея Костюкевича, Андрея Есмановича, Ивана Костюкевича и других. Дочку Есмановича - медицинскую сестру Веру - в сильный мороз они водили по деревне, голую и босую, надругались над ней, а потом бросили в горящую баню. Партизану Клепусевичу каратели выкололи глаза и повесили его.

Сначала маленьких детей из нашей семьи приютили другие семьи, а подростки вместе с дядей Семеном (инвалидом) ушли за реку на острова. Там они соорудили большой шалаш, по-местному - «будан», и временно были в безопасности. Однако собака Мирта - верная спутница брата Николая - могла выдать их местонахождение. Как только километрах в 3-4 появлялись немцы, она поднимала лай и убегала в противоположную от немцев сторону. Ее и наказывали, и пытались намордник соорудить, но ничего не помогало. Пришлось ее утопить со слезами на глазах. Что поделать, жизни людей были дороже.

На острове наши ребята дождались весны и теперь были в полной безопасности. Когда сошел лед, началось половодье. Река Птичь имеет в наших

краях 7 рукавов, разлив воды был таков, что казалось - плыть можно в любую сторону до горизонта.

Меня с первым теплом отправили в другую деревню к бабушке Саховской. Там взрослые соорудили землянку, которая очень пригодилась при бомбежках. Немецкие самолеты периодически наносили бомбовые удары по партизанским деревням. Прямо над нашими головами они делали разворот, чтобы разбомбить партизанскую мастерскую по ремонту оружия. Я хорошо помню рев самолетных моторов, свист и оглушающие громкие взрывы авиабомб.

Помню, как в жаркий летний день, когда в воздухе стоял терпкий аромат тополиной листвы, всю нашу партизанскую малышню быстро загнали в дом. Испуганно выглядывая в окошко, мы увидели, что по улице движется колонна немцев. Здоровенные кони с подрезанными хвостами тянули пушки. Один немец сидел верхом на стволе пушки, как на коне, и играл на губной гармошке. Так немцы заняли деревню и некоторое время стояли в ней гарнизоном.

Однажды мы играли на задворках и к нам подошел немец. Он был рыжий и с виду не злой. Впрочем, может это был не немец, а чех или словак. Он потрепал меня по голове и спросил на ломаном русском языке, где мой отец. Я ответил, что он на фронте. Он еще потрепал мои волосы, а они у меня были мягкие и белые - как лен-кужелек. Меня даже дразнили: «Бельчик!» Потом этот солдат пошел в наш огород и начал там копать. Немцы почему-то очень любили зеленую фасоль, а еще, конечно, требовали:

- Млеко, яйко, шнапс!

Этих солдат в зеленых мундирах мы не очень боялись, а вот когда появлялись немцы в черных мундирах, мы бежали куда глаза глядят со всех ног.

Вспоминается довольно неприятная история, которая легко могла стать для меня трагической. В углу хаты бабушка развесила на просушку много льна. Как-то утром она ушла в погреб за картошкой, а я у печки поджаривал на палочке кусочек сала. Зазевавшись, я не углядел, как кошка прыгнула, цапнула мое сало и спряталась в угол. Я поджег лучину, чтобы осветить темный угол, отобрать у кошки сало и восстановить, таким образом, справедливость. Вдруг подсохший лен полыхнул пламенем от моей лучины аж до потолка. С ревом я бросился к тяжелой двери и не помню даже - как сумел ее открыть. Бабушка потом долго этому удивлялась. На мои вопли прибежала бабушка и начала швырять в огонь все емкости, что были с водой. На наше счастье, ей удалось погасить пламя. Угол обгорел, но хата и я уцелели. Пропал весь лен и теперь не из чего было прясть нитки и ткать полотно. Когда пришла мама из отряда и принесла кое-что из одежды и немного еды (помню черствый хлеб и огурец), я упросил ее взять меня с собой в лес. Мы долго ехали на подводе, потом переправлялись на лодке. Больше всего я запомнил комаров. Их было так много и они так заедали меня, что я сидел под какой-то накидкой и ревел, чтобы меня забрали туда, где нет комаров.

Много позже отец рассказывал, комары спасли весь партизанский отряд от уничтожения. Он шел в деревню к нам рано утром. Не дойдя какое-то расстояние, он сильно устал и решил поспать в кустарнике. Но комары не давали заснуть. Внезапно он услышал голоса. Это был отряд немцев и полицаев. Они остановились рядом на пригорке, и отец услышал даже разговор,

как проводник показывает немцам, в какой стороне находится база партизанского отряда и объясняет, как лучше до нее добраться. Естественно, отец по кустам осторожно пробрался к лесу и со всех ног бросился к партизанам. В тот раз немецкая операция сорвалась.

Я помню в том «комарином» партизанском лагере на островах длинные изгороди, на которых висело много бычьих шкур. Это был результат удачной партизанской реквизиции целого воловьего стада, приготовленного немцами к отправке в Германию в деревне Клетное, совсем недалеко от Глуска. Стадо охранял немец и несколько полицаев. Через местных жителей партизаны организовали попойку для охранников, и вскоре «доблестная» охрана спала «мертвым» сном. Стадо всю ночь вели по разным тропам, меняя направления и заматавая в буквальном смысле следы, сбивая с толку погоню. Теперь сразу несколько партизанских отрядов были обеспечены мясом и отличной кожей для пошивки и ремонта обуви.

Летом 1943 года немцы предприняли новые карательные операции против партизан. Когда они подходили к нашей деревне, к нам прибежала Лида, тетина дочка, с криком:

- Немцы! Спасайтесь!

Все, кто услышал, бросились бежать. Бабушка Марта была в сарае, доила корову. Там ее и взяли с ведром молока. Много других жителей деревни немцы успели схватить на окраине, потом их отвели в конец улицы и там всех членов семей партизан расстреляли. Дома партизан подожгли. Нашу хату немцы не сожгли, а разобрали на бревна. Из бревен соорудили дзот. Весь наш сад порубили, чтобы для их дзота был хороший сектор обстрела до самого леса.

Партизаны позже узнали, кто собирал и передавал немцам сведения о партизанских семьях в нашей деревне. Они выследили эту женщину с поличным, когда она в урочище Мащонка закладывала записку в дупло дерева. Говорили, что партизаны после допроса отвезли ее подальше, за деревню Заболотье, и там расстреляли.

После такой беды нас всех снова раскидали по разным семьям в соседних деревнях. Меня определили к тетке Ганне в деревне Катки. У нее своих пятеро детей было, практически моих одногодков. Наши скитания по чужим углам длились уже больше года. К осени 1943 года прятаться в деревнях стало уже невозможно. Немцы создавали выжженную зону: сжигали деревни, жителей убивали, отправляли в концлагеря, угоняли в рабство в Германию. У захваченных детей в своем госпитале в Глуске они брали кровь для своих раненых. Наша тетка Ганна с детьми попала в лагерь Озаричи. Про этот лагерь ходили страшные слухи. Только после войны мы узнали правду.

ОЗАРИЧИ, Калинковичский р-н

В марте 1944г. в соответствии с приказами и распоряжениями командующего 9-й армией генерала Йозефа Харце, командира 56-го танкового корпуса генерала Фридриха Госсбаха и командира 35-й пехотной дивизии генерала Георга Рихерта у переднего края немецкой обороны были созданы три лагеря. Один из них находился на болоте у поселка Дерьт, второй - в двух километрах северо-западнее местечка Озаричи, третий - в двух километрах западнее деревни Подосинник в болоте. В конце февраля - начале марта 1944 года гитлеровцы согнали сюда более 50 тысяч нетрудоспособных граждан Гомельской, Могилевской, Полесской областей Беларуси, а также Смоленской

и Орловской областей России. Эти три лагеря получили название: «Озаричский лагерь смерти».

Итак, в конце осени 1943 года наша семья почти в полном составе (без отца, который был в партизанском отряде) с пожитками, коровой и овцой, на санях двинулась в путь. Мы ехали вглубь болот за рекой Орессой, туда, куда немцам добраться будет достаточно тяжело. Добравшись до Альбинска, мы увидели множество других беженцев. Решили, что нужно ехать дальше, на острова Зыслов, которые находились в так называемом Черном болоте. Преодолев немало трудностей, мы добрались туда и в густом ельнике (недалеко от партизанской базы) соорудили свой семейный будан. Там нас нашел отец. Он принес еды, я запомнил бочонок с колбасой, залитый жиром. Был небольшой запас крупы и муки. Мы пекли на углях и в золе хлеб, на сковороде жарили лепешки, сушили сухари про запас. Недалеко был партизанский аэродром. По ночам партизаны разжигали костры и принимали самолеты с Большой земли. Самолеты-«кукурузники» садились, быстро разгружались и взлетали. Иногда они не могли сесть, или спешили, и тогда над лесом раздавался голос: «Ловите груз!»

После этого предупреждения сверху на партизан сыпались ящики и мешки. Иногда от этой разбившей о землю тары нам, ребятишкам, доставались всякие интересные штучки, например, разноцветные проводки. Из них мы сами себе делали игрушки.

Днем не давала покоя почти постоянно висевшая над лесом «рама» - немецкий самолет-разведчик. Как только услышим гул самолетного мотора, сразу лили заранее заготовленное ведро воды в костер. Успевали не всегда, а немцы, увидев дым или пар, обязательно полоснут в это место из пулемета. Однажды и мы попали под такой обстрел, но все обошлось - никого не задело.

Началась блокада. Немцы оцепили район, куда стянулись партизанские отряды, обремененные массой беженцев. Нам пришлось уходить с насиженного места, менять периодически места стоянок, кочевать от острова к острову. Однажды в густом хмызьяке мы натолкнулись на группу женщин, в составе которой был... немец. Оказывается, он отстал от своих, а женщины его поймали, разоружили и раздели. Он все время повторял:

- Их нихт фашист, я доктор-лошадь! Гитлер капут, Гитлер капут!

Потом его отдали первым встречным партизанам. Думаю, вряд ли они оставили его в живых.

С нашим сравнительно большим хозяйством вскоре пришлось распрощаться. Коня забрали партизаны, овцу зарезали сами, заготовив мясо впрок. Корову было очень жалко. Мы кормили ее молодыми еловыми ветками, иногда удалось заготовить осоку. Но к весне пришлось зарезать и нашу кормилицу. Мясо переварили, прокоптили в дыму и худо-бедно дотянули до теплых дней.

Немцы все плотнее сжимали кольцо блокады, но нашей семье повезло. Отец хорошо знал эти глухие места и, еще до установления полной блокады, он вывел нас известными ему тропами мимо немецких постов с Черного болота далеко за речку Птичь, а сам снова ушел к партизанам. Там нас встретили родственники бабушки Саховской, был готов теплый будан, заготовлена рыба. Но главное, там практически не было войны. Иногда пролетала «рама». Однажды, уже весной 1944 года, мы увидели, как два наших «ястребка» зажали

«раму» и куда-то повели. Потом мы узнали, что ее принудили к посадке на Поречском аэродроме.

Гораздо позже мне стало известно, что именно через мои родные места началась операция «Багратион», в результате которой была освобождена Белоруссия. По временным дорогам-гатам двигалась советская техника. Некоторые машины застревали, их сбрасывали и непрерывно двигались вперед. Потом мы разбирали эти разбитые машины. На колесах у пушек была сплошная пористая резина, из которой мы вырезали мячи для свои игр. Хорошо помню, как «заиграла» «Катюша», сколько было радости! Наши пришли!!

Однажды солнечным днем мы на лодке подплыли к своей уже освобожденной деревне. По берегу тянулись немецкие окопы, там валялось много брошенного имущества, но мы со всех ног бросились в деревню. Зрелище было тяжелым - всем дома сгорели. Целым осталось только здание школы. Там мы увидели наших солдат и шестерых пленных немцев, хотя может это были словаки, которые охотно сдавались в плен, в отличие от немцев. Эти пленные угостили нас сладким печеньем. Вкус сладостей мы давно уже забыли, поэтому это печенье запомнилось мне на всю жизнь - такое оно было вкусное! Помню: перед войной в ларьке продавали вафли в форме треугольника, пачка стояла пять копеек. Они были очень сладкие, хрустящие, но денег ни у кого не было, поэтому ели мы их очень редко.

Вскоре объявились партизаны. Наш отец уцелел в блокадных боях и даже стал начальником штаба отряда. До партизанского лагеря немцам так и не удалось добраться, поэтому там осталось много имущества, в том числе и несколько коров. Нам, как многодетной семье, выделили одну из этих коров. Хороших коней забрали в действующую армию, раненых да больных оставили нашему колхозу. Но какой с них толк? Пахали на коровах, или несколько женщин впрягались в плуг и тянули его по полю. Послевоенное время было очень голодным. Мы собирали разные съедобные травы: лебеду, крапиву, щавель, дикий чеснок, выискивали гнезда диких птиц, собирая там яйца. С полей выкапывали гнилой картофель. Позже подоспели ягоды, грибы, орехи. Муку мололи вручную, это был каторжный труд. С тех времен запомнилась поговорка: «Нету большей муки, чем молоть вручную». Зато какая вкусная была затирка из свежей муки! Однажды отец привез со старого партизанского тайника два мешка муки. Оказывается, их притопили в болоте, и нашли только через 2 года. Слой муки в пару пальцев толщиной стал тестом, но дальше вода не прошла и остальная мука была вполне пригодна для приготовления пищи.

Однажды в деревню приехал первый настоящий трактор ХТЗ, со «шпорами» на железных ободах колес. Помню особый запах отработанных газов, желание прокатиться на тракторе, или хотя бы на прицепном плуге. Потом нам подогнали еще и гусеничный трактор НАТИ, но он больше стоял, чем работал. Эти трактора перегоняли из колхоза в колхоз.

До самой зимней поры у нас, ребяташек, было полно забот: мы искали и припрятавали оружие, боеприпасы, хвастались друг перед другом своими трофеями, устраивали большие и маленькие взрывы. Например, откручивали стабилизатор у минометной мины, гвоздем проковыривали дырочки в картоне и высыпали порох. Потом наносили удар по капсулю и получался маленький взрыв. Однажды я высыпал не весь порох, и взрыв получился приличный. Меня ранило в руку. Я спрятался, потому что боялся идти домой, но родные нашли

меня, перевязали и крепко отлупили. Но все равно мы ходили за военными трофеями в лес. Однажды нашли место, где разбомбили целый склад оружия. Ребята постарше со знанием дела откладывали толстые шашки, капсюли-детонаторы красно-желтого цвета, ручные гранаты с длинными деревянными ручками. Всем этим было удобно глушить рыбу. Помню еще длинные «макаронины» артиллерийского пороха, он красиво горел и потом еще летел со свистом. Хорошо шел в дело всякий алюминий, бронзовые детали с разбитой техники, из аккумуляторов выплавляли свинец, потом мастерили всякие нужные и не очень поделки. Большие парни часто устраивали стрелковые соревнования, стреляя из различного оружия. Иногда брали у кого-нибудь из малышей шапку, подбрасывали в воздух и палили по ней из всех стволов. Шапка в решето, конечно, а дома по головке не погладят за такое отношение к дефицитному предмету гардероба.

К осени открыли начальную школу: в одном классе были все ученики от первого до 4-го класса. На всех было 2 потрепанных букваря. Ручки, чернила и тетрадки мастерили сами. Кто находил картонный ящик, разделявал его на отдельные листы, которые сшивались. В такой тетрадке можно было писать в школе, а другой бумаги не было. Учительница была одна, но вскоре она заболела и занятий не было целый год. Только в 1945 году школа заработала снова.

Я никому не хочу пожелать военного детства. Я желаю всем только мира на земле!

При подготовке данных воспоминаний к публикации использовались следующие дополнительные источники:

1. http://militera.lib.ru/memo/russian/machulsky_rn/03.html

2. <http://www.khatyn.by/ru/genocide/ccs/ozarichi/>
3. Заложники вермахта (Озаричи - лагерь смерти): Документы и материалы. Минск: Национальный архив Республики Беларусь, 1999. С. 73.